

НЕИЗВЕСТНАЯ РАБОТА И. Г. ПРЫЖОВА О ДЕКАБРИСТАХ В СИБИРИ

Сообщение Л. Н. Пушкарева

Среди первых ученых и публицистов, заинтересовавшихся историей ссылки декабристов в Сибирь, был Иван Гаврилович Прыжов (1827—1885) — последователь революционных демократов, историк, публицист и этнограф, начавший с изучения народного быта, а кончивший революционной деятельностью, ссылкой и Сибирью.

Прыжов был сыном писаря «со средним окладом» и всю жизнь старался выбиться из нужды и отдаться любимому занятию — изучению народного быта. Числясь коллежским регистратором Московской палаты гражданского суда (где он проработал около четырнадцати лет), Прыжов большую часть времени уделял не службе, а научной и публицистической деятельности. За десять лет (с 1860 по 1869 г.) он опубликовал около пятидесяти книг, статей, заметок, рецензий на самые разнообразные темы — исторические, публицистические, этнографические. Уволенный со службы, Прыжов долго мыкался без работы, пробовал жить литературным трудом.

В 1869 году Прыжов связал свою судьбу с революционным движением.

Он был одним из тех, чье внимание еще в шестидесятые годы привлек рабочий класс, «фабричные».

Переход Прыжова от научной и литературной работы к революционной деятельности был вполне закономерен. Человек, который писал про себя:

«Я хотел собрать в одно целое не только археологические факты, но и все слезы, всю кровь, весь пот, пролитые когда-либо народом, собрать и высчитать, насколько вынесет это наука счисления»¹, — неминуемо должен был стать революционером.

Правда, он примкнул к нечаевской организации, методы борьбы которой обнаружили ее полную политическую несостоятельность и были осуждены ходом истории.

Свою революционно-агитационную деятельность Прыжов совмещал с научными занятиями. Он был в числе первых исследователей быта городских и сельских пролетариев; естественно поэтому, что Нечаев предложил ему «принять на себя организацию низшего класса городского населения, именно: дворников, извозчиков, будочников, хлебников и почтальонов»². Несмотря на то, что автобиография Прыжова, которую он написал для своего защитника на суде, полна самых горячих протестов против попыток отнести его к числу наиболее активных участников кружка Нечаева, мы в этом случае склонны больше верить другим документам, чем показаниям самого Прыжова. В нечаевском кружке Прыжов занимался не только агитацией: он был связан, кроме того, с зарубежным славянскими революционерами.

Арестованный в конце 1869 г., Прыжов вместе с другими нечаевцами прошел мучительную процедуру следствия и суда. Он держался мужественно, на вопросы следователей отвечал без лишней откровенности, стараясь не дать ни одной добавочной улики против кого бы то ни было. Суд над нечаевцами (1871) был первым в России гласным политическим процессом. Для Прыжова этот суд был единственной возможностью бросить в лицо врагу слова ненависти и презрения. Накануне суда он писал своему защитнику: «Сил еще много, хотелось что-либо сделать, хотелось доесть врагов и тогда умереть, — вырвите же мне возможное облегчение жизни; но извиняться перед ними, но просить, просить прощения, но сознаваться виноватым, когда преступники — они: никогда!!!»³. Выступления Прыжова на суде полны достоинства. В своем последнем слове Прыжов еще раз заявил о любви к «несчастному русскому народу»⁴, сказал, что по-настоящему оценить сложные обстоятельства, приведшие его на скамью подсудимых, смогут только потомки. Выступление он закончил строками Гёте:

Жертвы валяются здесь,
Не телячьи, не бычачьи,
Но неслыханные жертвы — *человечьи*.

(«Коринфская весть»).

15 июля кончился суд над первыми одиннадцатью нечаевцами, а 21 декабря над Успенским, Кузнецовым и Прыжовым был совершен обряд «публичной казни». И. Е. Деникер вспоминает: «...когда поп подавал целовать крест, к которому Успенский и Кузнецов приложились, Прыжов, махнув на него рукой и подобравши цепи, взошел первый на эшафот»⁵.

В январе 1872 г. Прыжов был отправлен в Виленскую каторжную тюрьму, оттуда — в Сибирь, в Иркутск, а из Иркутска — на Петровский завод, где провел несколько лет на каторге, а затем — на поселении.

В 1881 г. Прыжов выписал из Москвы свои старые труды, хранившиеся у брата, и принялся за работу. Он посылал в периодические издания статьи (в «Вестник Европы», в «Порядок»), готовил к печати труды, над которыми работал всю жизнь («Граждане на Руси», «Собака в истории человечества» и т. д.), разрабатывал новые, сибирские темы («Декабристы в Сибири на Петровском заводе» и «Записки о Сибири»).

Подобно многим деятелям шестидесятых годов Прыжов сочетал в себе публициста, ученого и революционера. Научные интересы Прыжова широки и разносторонни. Он был прежде всего историком, но историком весьма своеобразным; он поставил перед собой задачу — изучить явления социального быта русского народа в их историческом развитии. Собирая всю жизнь материал по социальной истории, он предполагал разбить его на шесть больших томов: 1) народные верования (в первые дни культуры, в средних веках, теперь); 2) социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка и драма); 3) история русской женщины; 4) история нищенства в России; 5) секты, ереси, расколы; 6) Малороссия»⁶. В соответствии с каждым из этих тематических разделов Прыжовым к моменту ареста было уже опубликовано несколько работ, среди которых важнейшие: «Житие Ивана Яковлевича» (1860), «Нищие на святой Руси» (1862), «26 московских лжепророков» (1865) и «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868). Немало работ осталось в рукописи — «История мещан», «Алеша Попович», «Смутное время и воры в Московском университете» и другие.

Приведенный перечень заглавий иллюстрирует собственные слова Прыжова о стоявших перед ним задачах: «Мне страшно хотелось напи-

Положительные идеалы Прыжова гораздо бледнее его критических суждений. Сбивчиво и туманно излагает он свои социальные и политические воззрения в «Исповеди», написанной накануне суда. Теория общественной жизни, излагаемая Прыжовым, сводится к тому, что общество только тогда развивается нормально и не нарушает социальной справедливости, когда в нем осуществлена гармония между умственными и социальными интересами. Такой гармонией, например, отличалось первобытное общество, затем она была нарушена в классовом обществе, в настоящее время человечество идет к гармонии; задача общественного деятеля — всемерно способствовать этому социальному движению.

Работы Прыжова свидетельствуют об ограниченности его взглядов на общественное развитие. Но хотя Прыжов и не был теоретиком, а всего лишь рядовым бойцом великой армии шестидесятников, он был бойцом верным, страстным, последовательным, опасным противником царского произвола. Все эти качества Прыжов сумел сохранить и на каторге, и в ссылке.

В 1881 г. Прыжов вышел на поселение и остался жить в Петровском заводе. Из его писем к Н. И. Стороженко видно, как активно и напряженно работал он в это время. Но условия, в которых жил Прыжов, тупая чиновничья среда, окружавшая его, постоянная бедность, смерть жены — все это привело его к преждевременному концу (1885 г.). После его смерти управляющий Петровским заводом, инженер И. Я. Аникин, сообщил Стороженко, что бумаги Прыжова находятся у него. Долгое время тем и ограничивались наши сведения о фонде Прыжова; это дало право некоторым исследователям предположить, что бумаги его утеряны. На самом деле они уцелели и поступили к П. И. Щукину, передавшему их в Государственный Исторический музей, где они и были занесены в инвентарную опись как фонд «Благовещенского» (Благовещенский — сибирский псевдоним Прыжова).

Это — довольно большой по объему фонд, насчитывающий 23 единицы хранения¹⁰. В него входят первоначальные варианты опубликованных работ (например, «Быт Малороссии по памятникам ее литературы с XI по XVIII век»), входят и написанные в шестидесятые годы, но так и не вышедшие в свет труды Прыжова (монографии о голубе, о собаке, «Первые следы социальной жизни на Руси», материалы по истории кабаков и т. д.) и, наконец, работы, написанные в восьмидесятые годы и подготовлявшиеся Прыжовым к печати («Записки о Сибири», «История тюрьмы», «Граждане на Руси», «Декабристы в Сибири на Петровском заводе» и другие). Последняя группа материалов наиболее значительна и по объему, и по содержанию. Первая группа представляет собой неизвестные ранее варианты уже опубликованных работ Прыжова (о которых он писал в «Исповеди» и в письме к Н. И. Стороженко) и ничего принципиально нового в себе не содержат. Последняя группа материалов показывает, кем стал Прыжов на каторге и в ссылке, позволяет раскрыть более полно и потому более верно его мировоззрение.

Общественно-политические темы в ненапечатанных трудах Прыжова занимают более значительное место, чем в его опубликованных работах. В шестидесятые годы Прыжов был в гораздо большей степени историком, этнографом, фольклористом и публицистом, чем политическим деятелем. Лишь к концу шестидесятых годов он стал профессиональным революционером, но его революционная деятельность продолжалась, как известно, очень недолго. На поселении Прыжов в своих литературных произведениях вернулся к общественно-политическим темам.

Среди работ, написанных, переделанных или законченных Прыжовым в восьмидесятые годы, наибольший интерес представляет огромное исследование (объемом около 30 печатных листов) «Граждане на Руси» (другой

вариант заглавия — «Русский народ»), в котором Прыжов разбирает понятие гражданственности в русской общественной мысли, начиная от декабристов и кончая Некрасовым. Одна из глав этого труда, отброшенная при обработке, называется «Славянофилы и Катков» и чрезвычайно важна для характеристики борьбы революционно-демократического направления со славянофильством и Катковым. Очень интересны работы Прыжова, посвященные сибирской ссылке и сибирской тюрьме; в этих статьях Прыжов выступает не только в роли исследователя, но и в роли наблюдателя.

Наконец, особое значение имеет работа Прыжова о декабристах, раскрывающая его общественно-политические взгляды и весьма характерная для его научной и писательской манеры.

Эта работа объединяет Прыжова-историка с Прыжовым-революционером и Прыжовым-публицистом. Он желал сохранить для потомства память о наиболее светлых деятелях — борцах за свободу, память о которых погасала в затхлой атмосфере сибирского провинциализма. Новый труд Прыжова был ответом на книгу С. В. Максимова «Сибирь и каторга», в которой автор, по мнению Прыжова, искажил отдельные стороны декабристского движения и с которой Прыжов страстно полемизирует. Это исследование явилось вместе с тем одной из первых попыток оценить с точки зрения революционного демократизма значение и смысл декабрьского восстания.

В работе «Декабристы в Сибири на Петровском заводе» слиты воедино и исторические изыскания Прыжова, и фактические данные, собранные Прыжовым по свежим следам, широко привлечен также газетный и журнальный материал для обрисовки той среды, в которой жили декабристы. Многие данные, почерпнутые Прыжовым из сибирской периодики, — данные, которые были использованы им в «Записках о Сибири», — приведены и в этой работе; повидимому, автор рассматривал свой новый труд как некое обобщение сибирских впечатлений.

Большая часть рукописных трудов Прыжова не вполне закончена; не закончена и работа о декабристах. Кроме того, не сохранилось ее начало. Рукопись начинается с полужаза второй главы исследования, посвященной характеристике сибирского общества семидесятых — начала восьмидесятых годов. В дальнейшем тексте не хватает отдельных листов; характеристика одних декабристов закончена, других — лишь намечена, третьих — отсутствует.

Название работы «Декабристы в Сибири на Петровском заводе» дано самим Прыжовым; оно сохранилось на черновой обложке рукописи¹¹. Рукопись вместе с приложением состоит из 162 исписанных с обеих сторон листов, формата конторской книги, и нескольких вставок (вырезки из газет, черновые записи и т. д.).

Название второй главы неизвестно, так как отсутствуют, как мы уже упоминали, ее первые страницы; содержание главы — характеристика сибирского общества и его отношения к ссыльным, начиная со Сперанского и кончая восьмидесятыми годами. Далее следует третья глава — «Петровский завод», в которой описывается сам завод, характеризуются управляющие заводом, местная интеллигенция («горные чиновники») и т. д. Небольшая четвертая глава — «Путь декабристов до Петровска» — сопровождается двумя эпитафиями из Некрасова:

Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?

Гремит, звенит и улетает,
Куда Макар телят гоняет...

Эта глава основана на печатных источниках и служит как бы вступлением к основной, пятой, главе исследования — «Декабристы в Петровском заводе», самой значительной по объему (60 двусторонних листов). Большой интерес представляет шестая глава — «Иван Иванович Горбачевский»; она содержит свежий материал для характеристики последних лет жизни этого замечательного декабриста. Заканчивается исследование Прыжова небольшой — седьмой — главкой «Ссылные в Петровском после декабристов», в конце которой стоит дата окончания работы — 1882 г.

Таков план работы Прыжова. Что же касается ее содержания, то оно гораздо шире плана. Пользуясь формой исторического исследования, Прыжов постоянно возвращается к современности, пытается несколькими, как бы мимоходом брошенными фразами дать характеристику общественного строя и выразить свое отношение к нему. Например, говоря о ссылных поляках тридцатых — сороковых годов, Прыжов добавляет: «Между тем умственное развитие на Руси продолжало совершать свое поступательное движение. Пришел 1848 год. Белинские, Грановские и многие другие тем только и спасались от Сибири, что умирали. Число ссылных в Сибирь стало мало-помалу увеличиваться...»¹². Вот что пишет Прыжов о своем отношении к реформе 1861 г.: «Между тем, начиная с рокового 1861, число ссылных росло и росло. С началом 60-х годов мелькнула надежда на лучшую жизнь и обманула самым оскорбительным образом... Последствия были ужасны. Оглядываясь на это странное время, — говорит один писатель, — можно удивляться той необузданности надежд, которыми мы тогда были преисполнены»¹³.

Работа Прыжова о декабристах — это горячее взволнованное повествование о судьбе дворянских революционеров, в которой было так много общего с судьбой самого Прыжова. Рассказывая о жизни декабристов в Сибири, Прыжов пишет: «Надо погодить — и всплывет навверх многое. Всплывут тюменские этапные инспекторы в палевых лайковых перчатках (1872), у которых массы арестантов гибли на баржах, как негры на негритянском корабле, всплывут „приемщики“ на почте из кабашных сидельцев, понявшие, что политический, получающий письма от родных и газеты, — в их руках, грабят посылаемые ему деньги и стараются всячески напакостить, всплывет иркутская таможня, тоже из каких-то бродяг, которая грабит посылки или посылаемые по почте рукописи отправляет не по принадлежности, а куда вздумается. Всплывут инженеры, исправники и всякие чины, имевшие в своей власти арестантов, всплывут вещи, от которых у людей встанут волосы дыбом»¹⁴.

Работа Прыжова и по форме представляет полуисторическое, полулитературное произведение. Автор часто прерывает рассказ цитатами из любимых поэтов. Например, описывая начало шестидесятых годов и не имея возможности прямо и достаточно ясно рассказать об иллюзорности реформ того времени, Прыжов прибегает к цитатам из Пушкина и Фета: «Тогда, говоря словами Пушкина, тоже, в свою очередь, оплакивавшего погибшие светлые дни <восстание 14 декабря. — Л. П.>»,

Тогда душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче, и смелей,
Мы пили все за здравие надежды,
И радости, и всех ее затей.

Тогда каждый встречный на улице подходил к вам и говорил:

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.

хищническая орда из Деруновых, Разуваевых, Косушниковых, Вздошниковых готова была сожрать этих „сицилистов“ живыми»¹⁷.

С горечью и болью писал Прыжов об общественной жизни Петровского завода после того, как декабристы оставили завод: «Вся начинавшаяся здесь добрая жизнь с ее гуманными стремлениями, с многообещающей будущностью завода, с глубокими основами просвещения, которые заложены были здесь декабристами, погибла, тем более, что впоследствии управляющие были один другого хуже. Завод, устроенный Арсеньевым, разваливался, становился притчею во языцех, и вместо прежней просвещенной общественной жизни с ее обедами, пикниками и т. д. завладели жестокость, невежество, хищничество, и на Петровске повторилась та же участь, которую, — как мы увидим, — испытали Чита и Селенгинск, ожившие при декабристах и по отбытии их обращавшиеся в жалкие деревушки»¹⁸. Характеризуя жизнь Петровска в восьмидесятих годах, Прыжов пишет: «В заводе развиваются теперь пьянство, разврат, сплетня, сплетня началась в доме управляющих, и сплетня потом стекалась сюда, словно в помойную яму. Исчезало окончательно все благодатное влияние декабристов, мужчин и женщин, как будто эти истинные проповедники добра здесь никогда и не существовали»¹⁹.

Переходя к описанию жизни декабристов в Петровском заводе, Прыжов прежде всего останавливается на источниках и начинает с перечисления устных: «Многое сообщил нам фельдшер Михаил Иванов, служивший при декабристах, ученик тогдашнего хорошего лекаря Янчуковского и главный — постоянный помощник благородного декабриста Артамона Муравьева, занимавшегося в заводе лечением больных <...> Некоторыми важными сведениями мы обязаны петровскому жителю, кяхтинскому купцу Борису Васильичу Белозерову, близкому когда-то к Бестужевым и к Горбачевскому. „Вот, — говорил он нам, — посмотрите на эти двери из залы в гостиную; двери эти из дома Бестужевых в Селенгинске, сделанные, может быть, их собственными руками“»²⁰. И далее Прыжов постоянно приводит устные отзывы тех старожил, которые в его время еще помнили декабристов. Помимо устных источников, Прыжов широко использовал дневники декабристов, их воспоминания, а также те исследования, которые в той или иной степени посвящены им²¹. Прыжов интересовался и документальными источниками — архивными делами и библиотекой декабристов (см. об этом ниже).

Описывая жизнь и быт декабристов в заводе, Прыжов особое внимание уделяет их культурной роли, рассказывает о том, как они учили детей, как лечили жителей. О школе декабристов еще во времена Прыжова помнили старожилы. Со слов петровского старожилы М. С. Добрынина, Прыжов сообщает: «...декабристы сделали еще одно почтенное дело — завели у себя в казематах школу и несколько не для чиновных, но для бедных нищих заводских мальчиков»²². В другом месте Прыжов пишет: «Мы счастливы, что можем привести следующий рассказ о Волконской петровского старожилы М. С. Добрынина: *„Эта женщина должна быть бессмертна в русской истории. В избу, где мокро, тесно, скверно, лезет, бывало, эта аристократка — и зачем? Да посетить больного. Сама исполняет роль фельдшера, приносит больным здоровую пищу и, разузнав о состоянии болезни, идет в каземат к Вольфу, чтоб он составил лекарство“*»²³.

Интересны замечания Прыжова о судьбе некоторых портретов декабристов. Например, повествуя о декабристе Оболенском, он сообщает: «Портрет его, сделанный уже под старость <...> хранится у дочерей попа Поликарпа и выслан Оболенским уже из Калуги. Тут же хранится маленький образок — подарок от Оболенского с его собственноручной надписью»²⁴. «До сих пор сохраняются в Кяхте „Мадонна“ у купца Луп-

никова, „Портрет девочки“, сделанный Бестужевым <...> — там же; у купцов Старцевых — портрет всей их семьи и *шестьдесят семь* портретов декабристов, которые он накидывал карандашом, по мере того как декабристы оставляли каторгу (каземат). Портреты эти были подарены им Горбачевскому. Если верить его дочери Александре Луцкиной, дело было так: Горбачевский, умирая, взял эти портреты и отдал ей, сказав: „Возьми их — у тебя будет кусок хлеба“. Она взяла их и заперла в сундуке; но однажды в ее отсутствие пьяница ее брат Александр, подобрал ключ к сундуку, утащил эти портреты, и они, несомненно, погибли бы, пропитые в кабаке, если б Б. В. Белозеров не купил их у него за пятьдесят рублей»²⁵.

Прыжов рассказал также о судьбе могил декабристов и о судьбе тех крестов, которые были расставлены декабристами на окружающих горах, а один крест, — так называемый Лунинский, — даже зарисовал. Иногда Прыжов сообщает об участии документов, которые до него не дошли, например, о бумагах Мозалевского: «*По доносу* у них был сделан обыск, отобрано много книг, бумаг, они почему-то остались у заводского полицмейстера Михайла Московского, лежали у него в амбаре и во время бывшего у него пожара все сгорели»²⁶.

Все приведенные высказывания Прыжова и сообщаемые им сведения взяты из той части рукописи, которая предшествует главе о И. И. Горбачевском и главе о ссыльных, живших в Петровске после декабристов. Не останавливаясь более подробно на содержании этих глав, следует все же отметить большое значение заключающегося в них материала о библиотеке декабристов и о жизни Горбачевского в последние годы. Интересны также сведения о судьбе других политических ссыльных в Сибири, приводимые Прыжовым. В частности, обращает на себя внимание, что Прыжов поверил в перевод Н. Г. Чернышевского из Виллюйска в Нижне-колымск, как об этом сообщила «Страна» (1881). На самом деле этого перевода не было.

Глава о Горбачевском, характеристике которого Прыжов уделил больше всего места, начинается эпитафией из Горация: «А ты, моряк, не будь злым и не поскупись, скитаясь, бросить горсточку песку над непогребенными костями и черепом»²⁷. Кратко сообщив общеизвестные теперь биографические сведения о Горбачевском, Прыжов на первой же странице пишет: «Горбачевский не изменил своих убеждений и в каземате, и до самой смерти, подобно Лунину, Батенкову и другим»²⁸. Весь остальной рассказ о жизни Горбачевского в Петровском заводе является как бы раскрытием этой краткой характеристики. Большое место уделяет Прыжов описанию личной жизни и быта Горбачевского, причем и в характеристике, и в сообщении фактов значительно пополняет и исправляет других авторов, писавших о Горбачевском.

Интересны разделы той части работы Прыжова, в которых он рассказывает об общественной деятельности Горбачевского. «Когда Горбачевскому возвращены были права, он был избран в заводе в должность мирового посредника. Он чуть не заплакал, узнав, что 19-го февраля совершилось освобождение крестьян. „Вот уж тридцать лет, — сказал он тогда, — как я жду этого великого дня и наконец дождался!“ У него была большая библиотека и, должно думать, драгоценная, потому что она перешла к нему *на память* от других декабристов. Благородный Горбачевский пожертвовал эту библиотеку в пользу завода, как памятник, воздвигнутый от него декабристам, и перевез ее в большой дом Бахмута; потом устроил из нее уже настоящую „библиотеку для чтения“, получавшую несколько журналов и газет, — и все это пропало, все пошло прахом. Книг было много и их долго перевозили от Горбачевского в кошеве, „доверху переполненной“. Сначала растратил книги пьяница Малков,

которого пьяные жители завода толкнули в звание библиотекаря; ему подражали другие, и, наконец, репителью всю библиотеку растащили и *истребили на папиросты*. Как-то осталась от нее часть иностранных книг, но и те, как увидим, погибли в конторе завода! Горбачевский в свободное время учил детей, между прочим, французскому и немецкому языку»²⁹.

Далее Прыжов отмечает, что «как человек умный, добрый и простой, Горбачевский был любим здесь всеми мало-мальски порядочными людьми»³⁰, однако оговаривается, что заводская администрация, чиновники и вообще все заводское «общество» к Горбачевскому относились плохо, издевались над ним. Прыжов заканчивает свой очерк описанием портрета Горбачевского, последних дней его жизни и тех документальных материалов из жизни декабристов, которые он застал в Петровске³¹. «Как видно из его фотографического портрета, это под старость был обрюзглый старик, с большой головой, с косматыми обильными волосами, небрежно раскинутыми, и с умными, но суровыми чертами лица. Волкан, давно потухший. Еще сидя в каземате, он составлял записки о 14 декабря и читал их своим товарищам, но они не одобрили, сказав, что *это жестоко и грубо*, и Горбачевский свои записки бросил в печь. В последнее время он часто посылал страховые письма своему приятелю, полковнику Бутацу, а этот будто бы передал их Якобсону, а от Якобсона, как слышно было, они перешли к племянникам Горбачевского — Квистам. За четыре дня до своей смерти Горбачевский написал страховые письма упомянутому Бутацу и Павлу Андреевичу Иоссек, инженеру на Урале. Умирая, он все свои бумаги сжигал в камине в присутствии своей дочери Александры. Оставалось у него еще несколько книг, и он перед самой кончиной подарил их, вместо платы, своему доктору Александру Аполлоновичу Карпунову, доселе еще живущему в Селенгинске. Умер он 20 февраля 1869 г. от фистулы в боку, происшедшей от ущемления кишки <...>. Крайне не хотелось ему умирать. При кончине была его дочь, и он торопил ее послать за волостным головой и писарем, чтоб успеть подписать завещание, которым оставлял ей вместе с братом Александром свой дом, потом попросил повернуть его к стене и тихо умер. Осталось после него денег 14 рублей. Ожидая смерти, он заранее закушил для похорон и поминок рыбы и всякой всячины; гроб сделали в казенной мастерской, а могила здесь бесплатна ... Незадолго до смерти, гуляя с Разгильдеевым, Таскиным и купцом Б. В. Белозеровым, Горбачевский просил положить его не на кладбище, а по соседству, в поле, на вершине холма, чтоб он мог смотреть оттуда на улицу, где, как бы он не жил, но жил ... так и сделали <...> Памятник ему поставил купец Б. В. Белозеров на деньги, высланные ему для этого сестрою Горбачевского. Дом, который он завещал дочери, сейчас же был продан, и все имущество расхищено. У Горбачевского хранилась, как „великая святыня“, головная щетка Сергея Муравьева-Апостола, умершего на виселице 13 июля 1826 г. Он сумел сберечь ее даже в Петропавловской крепости, скрывая ее под шинелью, берег ее в дороге и всю жизнь, и она пропала. Случайно спаслись от гибели портреты декабристов работы Н. Бестужева, приобретенные купцом Белозеровым, но принадлежащие теперь всей России.

Все дела о декабристах, находившиеся при штабе коменданта, отправлены в Петербург. В домах декабристов³² — ни малейшего следа об их существовании — все истреблено, и не столько временем, сколько невежеством. Остатки расхищенной библиотеки декабристов хранились до последнего времени у наследников попа Поликарпа Сизых и в 1881 г. принесены в дар Читинскому архиерею. В числе их находятся: сочинения Горация с заметкой карандашом, приведенной выше, и французско-русский словарь Татищева с надписью на переплете: Александру Ивановичу

Одоевскому от Вар... Ив... Лан...³³ (бумажная обертка словаря, вся исписанная галлицизмами, здесь прилагается³⁴). Другая часть книг декабристов, оставшаяся от публичной библиотеки, расхищенной в доме Бахмута, хранилась в конторе завода и была осмотрена нами в 1873 г., при секретаре Кожине, причем нами наскоро было сделано несколько выписок с переплетов. Книги все иностранные, большею частью французские, XVIII в. Всего было книг до трех сот. Многие книги с надписями декабристов, которым они принадлежали, с их заметками на полях страниц карандашом и пером, и непременно с дозволительной надписью Лепарского: „Видал. Лепарский“. Многотомные сочинения были разбиты, редких не было. Но при секретаре Иванове книги были отданы на сохранение конторскому „сторожу“ Пухову („квартильному“ во время крепостного права), а он их прошил в соседнем кабаке у Андришки Турутанова, бывшего учеником Обручева, где они ушли на верчение папирос. До заводского архива нас не допустили бы*, но и искать в архиве почти нечего было, ибо тот же сторож Пухов архивные дела пропивал в кабаке у Турутанова, продавал на обертку евреям, торговцу Подосёнову, и заводский переплетчик Василий Казанцев, вероятно, помнит еще, как он переплетал остальные разорванные и полуразграбленные дела. По старой описи этого архива, если только она не скрыта, в нем должны были храниться следующие дела, касающиеся декабристов и пропущенные Максимовым: № 254, 1832 г.; № 288, 1833—1835 г.; № 324, 1836 г.; № 359, 1828 г. (?); № 359, 1839 г. и № 337, 1837 г.— все „По содержанию государственных преступников“. № 311—1833 г.— „О сметах на дома Фон-Визиной и Нарышкиной“ и № 337, 1836 г.— „О срубленном кресте, поставленном государственными преступниками“. В той же описи значились дела: № 45, 1805 г. и № 60, 1810 г.— „Дело Елина“, № 78, 1813 г.— „Дело Елисафенкова“ и № 3, 1875 г.— „Дело о песне Обрезкова“**.

Несмотря на то, что работа Прыжова о декабристах не является научным исследованием, она представляет все же известную ценность для декабристоведения. В ней мы находим новые данные о жизни и быте декабристов в Петровске, о судьбе Горбачевского, об отношении окружающих к декабристам и т. д. Но главное, что привлекает нас в работе Прыжова, — это самый факт ее появления. Рукопись Прыжова — это не просто дань уважения предшественникам по каторге и ссылке, это памятник *действенным* предшественникам, борцам за народ, памятник, поставленный революционером-разночинцем, взглянувшим на восстание 14 декабря с новых позиций. Работа Прыжова — это *одна из первых попыток* революционно-демократической мысли обратиться к наследию декабризма, оценить и понять его. В эпоху реакции измученный каторгой политический ссыльный смело высказал свое суждение о государственных преступниках и сделал все возможное, чтобы сохранить для потомков память об их жизни в Сибири.

Работе Прыжова не суждено было в те годы выйти в свет. Семьдесят лет пролежав в архиве, она лишь сейчас становится достоянием нашей науки. За это время декабристоведение далеко шагнуло вперед, работа Прыжова во многом устарела, но боевой революционный дух, которым она проникнута, и свежесть наблюдений, сделанных ссыльнопоселенцем, делают ее и для нашего времени значительной и интересной.

* Далее зачеркнуто карандашом: и если бы мы решились требовать, невежда управляющий ответил бы нам дерзостью. Пример подобной ненависти к людям — Обручев.

** При сем прилагается: портрет кн. Евг. Оболенского <зачеркнуто.— Л. П.>, старый план завода, копия с него, приспособленная к нашему описанию, план каземата, прилож. № 1 с подписью Лепарского и обертка с словаря с заметками одного из декабристов. <Ничего не сохранилось.— Л. П.>

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исповедь. — И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934, стр. 18.
- ² Б. П. Козьмин. Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. М.—Л., 1931, стр. 102.
- ³ И. Г. Прыжов. Указ. соч., стр. 29.
- ⁴ Там же, стр. 419.
- ⁵ И. Е. Деникер. Воспоминания. — «Каторга и ссылка», 1924, № 4, стр. 33.
- ⁶ И. Г. Прыжов. Указ. соч., стр. 14.
- ⁷ Там же, стр. 13. — См. также Л. Н. Пушкарев. Критика церкви и духовенства в трудах И. Г. Прыжова. — «Вопросы истории религии и атеизма». М., 1954, вып. 2, стр. 128—154.
- ⁸ Там же, стр. 12.
- ⁹ Там же, стр. 13.
- ¹⁰ Более подробную характеристику фонда см.: Л. Н. Пушкарев. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным. — «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 183—187. — Ныне фонд Прыжова передан в ЦГЛА.
- ¹¹ ЦГЛА, ф. № 1227, оп. 1, ед. хр. 6
- ¹² Там же, л. 6.
- ¹³ Там же, л. 7 об.
- ¹⁴ Там же, лл. 6 об. — 7.
- ¹⁵ Там же, л. 8.
- ¹⁶ Там же, л. 12.
- ¹⁷ Там же, лл. 20 об. — 21.
- ¹⁸ Там же, л. 38 об.
- ¹⁹ Там же, лл. 41 об. — 42.
- ²⁰ Там же, л. 68.
- ²¹ В одном из примечаний к своей работе Прыжов резко критикует книгу С. В. Максимова «Сибирь и каторга»: «Кроме пособий, указанных в выносках, мы имели под руками труд С. Максимова „Сибирь и каторга“ т. III и другие, где он подробно говорит о декабристах. Самым фактом издания своей книги, где в кучу всякого мусора свалены и декабристы, Максимов их оскорбляет. П. Н. Свистунов <в подлиннике ошибочно: Сытуков. — Л. П.> написал в 1870 г. опровержение на статьи Максимова о декабристах, помещенные в „О <течественных> З<аписках>“ (эти гнусные либералы, чего зевали?) <слова в круглых скобках зачеркнуты синим карандашом. — Л. П.> в 1869 г., а Максимов пропускает это мимо в своем издании книги в 1871 г. Максимов пользовался, кроме записок М. Бестужева и Н. Басаргина, на которые и мы ссылаемся, еще не известными нам записками Е. <в подлиннике ошибочно: А. — Л. П.> Оболенского, И. Якушкина, барона Соловьева, Дм. Завалишина, барона Штейнгеля, автора книги „Мемуары декабриста“, и собственноручными письмами некоторых декабристов. Что всего дороже было для Максимова — так это личные „рассказы И. И. Горбачевского“, на которые он и ссылается, но ими-то он и не воспользовался или воспользовался неумело, или же покойный Горбачевский просто не считал приличным говорить с ним по сердцу. Хуже всего, что он воспользовался, так это записки Д. Завалишина, а также „материалы и данные, готовно и радушно“ переданные им Максиму. Пользуясь ими С. Максимов *запутал* историю декабристов в Сибири! В труде Максимова то и дело неточности, ошибки и крайне много небрежности <...> Вообще он прозевал многое, что теперь погубило и что восстановить уже нет никакой возможности. Максимов был в Петровском в 1859—61 г. Горбачевский умер в 1869 г., пишущий эти строки посетил завод уже в 1873 г.» (л. 70—70 об.).
- ²² Там же, л. 104 об. — Прыжов ошибается: в школе были дети чиновников, а также дети бурят.
- ²³ Там же, л. 130.
- ²⁴ Там же, л. 110.
- ²⁵ Там же, л. 115.
- ²⁶ Там же, л. 133 об.
- ²⁷ *No r a t i u s. Carmina, liber I, carmen XXVIII, стихи 23—25.*
- ²⁸ ЦГЛА, ф. № 1227, оп. 1, ед. хр. 6, л. 143 об.
- ²⁹ Там же, л. 149.
- ³⁰ Там же, л. 151.
- ³¹ Там же, лл. 155—156 об.
- ³² Термин «декабристки» впервые встречается у Прыжова, а затем — в рукописях Некрасова.
- ³³ Варвара Ивановна Ланская — тетка Одоевского.
- ³⁴ В рукописи не обнаружена.